Москва
Театр им. Пушкина

7.2.2001

Театр без головы

Известия. – 2001. – 7 февр. – с. 10

Продолжение разговора о сегодняшних взаимоотношениях театральных директоров и главных режиссеров

Массовый театр приближается к масс-культу, в енном количестве московских театров нет главных режиссеров: на первый взгляд это явления разного порядка, но на самом деле они друг с другом связаны. В Театре имени Пушкина вышел кассовый спектакль, о котором недавно писали «Известия», несколько месяцев назад из этого же театра ушел главный режиссер. Его возглавил директор, и он стал ориентироваться на зрителя (то есть на кассу). Театр, которым управляет менеджер, превращается в коммерческое учреждение — в этом и заключена суть конфликта между директорами и главными режиссерами. Тогда режиссер (пусть даже и главный) становится обычным наемным работником: сегодня труппе Театра на Малой Бронной предстоит режиссера Житинкина, который его возглавит, но линия, намеченная директором, наверняка останется неизменной — под нее этого режиссера и берут. Театр, отказавшийся от тонкого, негромкого режиссера Женовача, должен был кончить Житинкиным, мастером театрального ширпотреба, — зато со зрителем (а без него театра и в самом деле нет) все будет в полном порядке. За тем, что произошло в Театре имени Пушкина, стоит проблема, которая актуальна и для многих других театров. О ней мы попросили рассказать и ныне действующего директора, и бывшего главного режиссера.

Почему фигура директора выходит на первый план? Отчего режиссеры теряют вкус к профессии главного? Чем это может обернуться для нашего театра? Эти вопросы были заданы в начале разговора.

Вячеслав ОРЛОВ, директор Театра имени Пушкина:

— Раньше ключевой фигурой в отечественном театре был главный режиссер, — нас воспитывали с мыслью, что весь коллектив должен подстраиваться под него. Но как быть сейчас, когда ощутим дефицит лидеров, ярких, мощных режиссеров, которые могли бы повести за собой театры? Вот Театр Пушкина и решил прожить какой-то кусочек своей жизни без главного, приглашая режиссеров на постановки. Мы находимся в достаточно приличном финансовом состоянии и можем договариваться с дорогими режиссерами...

— Сколько же стоит такой режиссер?

— На его гонорар можно купить две очень приличные отечественные машины. Но все зависит от профессиональной репутации человека, и по-разному решается в каждом конкретном случае. Приглашая на постановку молодого режиссера, директор рискует — такому режиссеру это порой нужней, чем театру.

— Кто же теперь определяет судьбу Театра имени Пушкина?

— Раньше это делали я и Юрий Иванович Еремин, а теперь я один.

— Тут есть опасность: директор обязан думать об успехе (и он прав — продукт, который выпускает театр, должен продаваться). Но отечественный театр создавался как авторский — главный режиссер выстраивал его как свое произведение...

— Где сейчас эти режиссеры? В лучшем случае они идут в малые залы, создают театры-домики — это проще и по организации, и по репертуару. А настоящий театр — огромное предприятие, с цехами, административным отделом и бухгалтерией. Это предприятие по самой своей природе нацелено на успех — наша зарплата зависит от того, сколько зрителей к нам придет.

И продукция, которую выпускает Театр Пушкина, покупается хорошо: к нам пошел молодой зритель, мы даже цены на билеты начали повышать. В прошлом году наш билет стоил 50 рублей, а сегодня 100—120. По-моему, это очень хороший признак.

«Путники в ночи». Сцена одного из самых коммерчески успешных спектаклей

Юрий ЕРЕМИН — своему бывшему директору:

— Сегодня существует огромный разрыв между тем, что диктует борьба за выживание, и подлинно творческими задачами. Да, в театре должен быть сильный лидер, обладающий художественным чутьем и собственным эстетическим кредо. Если его нет, то предпочтительнее директор — такой, как Паоло Грасси или Джозеф Папп, который был средней руки режиссером и актером, но прославился как замечательный менеджер театрального дела. К сожалению, таких директоров у нас крайне мало. Я много разговариваю с коллегами-режиссерами, которые руководят театрами. Нам всем стало невыносимо трудно заниматься организационной деятельностью — финансовые и административные дела отвлекают от творческого процесса. В каждой труппе играют максимум двадцать человек, а числятся в несколько раз больше — и что мне с ними делать?

— Но в советские-то времена главными режиссерами ваши коллеги быть хотели — хотя организационные дела тоже были малоприятны. Скажите по совести, что изменилось?

— Время. Проблем стало больше, они начали отнимать больше времени.

Одно дело быть художественным руководителем театра, когда ты хозяин всего дела, другое — главным режиссером, каким был я: все свои шаги мне надо было согласовывать с директором. Рычагов воздействия на театр у меня не было.

— Сейчас режиссерская молодежь не очень хочет идти в главные — и даже в худруки...

— Да, это так. В нынешнем режиссерском поколении выделяются Женовач, Козак и Ахрамкова. Женовач стал главным — и не удержался, а Козак и Ахрамкова, насколько я могу судить, и не хотят ими быть. Режиссеру вредно оставаться на вторых ролях, тем более в одном и том же театре: полководцы выковываются в боях. Им надо побольше ставить — хотя бы в нашей огромной стране. Но уходя на периферию, режиссеры выпадают из поля зрения московской критики, а это тоже скверно...

— Все больше директоров будет возглавлять театры. Художественные руководители прославленных академических сцен стареют и будут уходить: на какое-то время эти театры могут возглавить наиболее известные, стремящиеся порулить актеры, а потом их сменят менеджеры. Не грозит ли театрам директорская диктатура, когда директор освоится, приживется и начнет считать театр своей собственностью — их художественного руководителя, ни главного режиссера он туда просто не пустит?

— Естественно. Я справляюсь, и зачем мне кто-то еще? Кто там будет у меня под ногами путаться?.. Боюсь, что русский театр, театр-дом, театр-семья, духовное учреждение, созданное по образцу старого МХАТа, сегодня уходит. Пока свое слово не скажет новая драматургия (которой на сегодняшний день нет), театр будет топтаться на одном месте — арсенал режиссерских приемов известен, спектакли складываются из них, как из кубиков, двести актерских штампов отлично освоены, слова классиков переживаны на все лады.

— Вы хотите сказать, что кризис во взаимоотношениях режиссера и директора лишь отражение общего кризиса театра?..

— ...И все это отражает то, что происходит в стране. Театр — единственный вид искусства, точно отображающий жизнь: в жизни люди ходят по мизансценам и вступают в диалоги — и то же происходит на театре. Кино — репродуцированный вид искусства, а театр сиюминутен, как сама жизнь; более того, он создает ее модель. Театр зависит от жизни, как ничто иное: отсюда все распады, отсюда и разрывающая его центробежная сила.

Комментарий «Известий»

Режиссер добровольно власть директору не отдаст, директор никогда от нее не откажется, — беда в том, что сейчас, как правило, говорят лишь о том, кто из них будет у руля. Если дело только в этом, то начальником вполне может быть директор. Режиссура все больше сводится к профессии (если не к ремеслу): в лучшем случае режиссер — творец, в худшем — мастеровой, ловко и споро свинчивающий и сколачивающий пользующийся спросом, окупаемый художественный продукт. Вопрос об общественном наполнении профессии в наши дни не стоит: если бы он был по-прежнему актуален, то никто бы и не задумался о том, кто важнее: режиссер или директор.

Дело не в идеологии, а в общественном идеале, благодаря которому искусство становится большим, чем искусство: наша тихая революция, разыгравшаяся десять с лишним лет назад, прихлопнула обоих. Идеалом стали частная жизнь и буржуазные добродетели — такие умонастроения не благоприятствовали появлению новых «Современников» и Таганок.

Главный режиссер был чисто административным советским изобретением, кресло главного часто занимали «мертвые души», люди, умевшие лишь надувать щеки в президиумах да ставить спектакли к советским датам. Но было и другое: Главный Режиссер своими спектаклями говорил что-то очень важное, он не только учил, но и воспитывал своих актеров. Безденежье ужасно, отсутствие полноценной современной драматургии пагубно, но первичен все же кризис театра как духовного учреждения. Если театр только развлекает, то директор имеет полное право им руководить: дух отлетел, восторжествовала плоть, а с нею театральный менеджер управится лучше режиссера. Хочется верить, что со временем наше общество все-таки отдышится, наестся, призадумается, и всемогущий театральный директор, свято верящий в абсолютное профессиональное превосходство тех режиссеров, что добиваются стопроцентной посещаемости, станет казаться гостем из прошлого.

Алексей ФИЛИППОВ